

Офицерский
Честь имею
роман

*Константин
Попов*

Господа офицеры

*Петр
Лянидзевский*

Записки
военного летчика

Офицерский роман. Честь имею

Константин Попов

**Господа офицеры. Записки
военного летчика (сборник)**

«ВЕЧЕ»

2018

Попов К. С.

Господа офицеры. Записки военного летчика (сборник) /
К. С. Попов — «ВЕЧЕ», 2018 — (Офицерский роман. Честь
имею)

ISBN 978-5-4484-7299-2

Повесть «Господа офицеры», написанная капитаном 13-го Лейб-гренадерского Эриванского полка Константином Сергеевичем Поповым, и «Записки военного летчика» лейтенанта Петра Федоровича Ляпидевского – это трагические описания страшных событий Первой мировой и Гражданской войн их непосредственными участниками, которые не оставят равнодушным даже самого строгого читателя.

ISBN 978-5-4484-7299-2

© Попов К. С., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

ГОСПОДА ОФИЦЕРЫ	6
СОМКНЕМ ШТЫКИ!.	7
БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ	16
«МОЛЕКУЛЯРНАЯ» РАБОТА	25
ЖЕЛТЫЕ ДЬЯВОЛЫ	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Константин Попов; Петр Ляпидевский

Господа офицеры.

Записки военного летчика

Знак информационной продукции 12+

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства www.veche.ru

ГОСПОДА ОФИЦЕРЫ

*Берегите офицера! Ибо от века и до ныне он стоит верно и
бессменно на страже русской государственности. Сменить его может
только смерть.*

Ген. А. И. Деникин

Глубокоуважаемой Анне Оттовне Вышинской, супруге высокодоблестного командира лейб-Эриванцев – Евгения Евгеньевича, имя и славная память о котором вечно будет жить в сердцах оставшихся в живых его боевых соратников и таковой же передастся идущим им на смену новым поколениям Эриванцев... Ввиду целого ряда беспримерных по красоте своей страниц, вписанных полком в период его командования в нашу славную полковую историю.

От искренне преданного и сердечно расположенного автора – К. Попова

Булонь о/с

1. V.29 г.

СОМКНЕМ ШТЫКИ! (вместо предисловия)

На дворе льет дождь. Буйный ветер, обрывок циклона свирепствующего уже неделю в Атлантическом океане и Ла-Манше, сотрясает мою мансарду, как бы желая отвлечь мое внимание и нарушить тихую торжественность, охватившего меня, душевного состояния. Напрасно. Я растапливаю печь, поудобнее сажусь в старое кресло, протягиваю ноги, чтобы дать им обсушиться и согреться и начинаю уже чувствовать, как тепло приятно распространяется по всему телу. Я с удовольствием отдаюсь на миг этому чувству, не торопясь достаю свой бумажник и вынимаю из него только что утвержденный устав моего полкового объединения. «Наш Закон», читаю я его краткое и выразительное название... и моя мысль переносится туда, где только что сидели мы, уцелевшие обломки старинного полка Российской армии. Предомной отчетливо встает крупная фигура моего старого доблестного командира, когда-то статного красавца флигель-адъютанта, теперь седого старика – директора крупной американской фирмы, собравшего своих офицеров у себя в кабинете и читающего по пунктам вновь выработанный, предлагаемый на утверждение, устав.

Сосредоточенно суровы лица слушателей, плотно сжаты их губы и не одна морщина залегла глубокой складкой на этих мужественных, гордых челах. Они впитывают в себя отрывистые фразы своего командира, с глубоким чувством и подлинным огнем, произносящего:

– Русское государство и его державное место среди народов мира созидалось в течение тысячелетия под водительством русских князей и царей, творческими силами русского народа, морально нравственными устоями православной церкви и мощью русской армии...

Первый, старейший полк русской армии Z-ский царя Михаила Федоровича, основанный первым Романовым, исполнял свой воинский долг непрерывно в течение почти трех столетий, пронеся через века своего существования незапятнанным свое опаленное в боях и обвеянное победами знамя. Всею своею государственною, трудовую, боевою и мирною работою, всем своим прошлым, полк исторически неразрывно связан с династией Романовых...

Неоднократно отличающийся за подвиги и службу России – царями, полк хранит благодарную память династии и глубокую скорбь о царственных однополчанах, принявших мученический венец: императоре Александре II и императоре Николае II и его семье...

В годы тяжелых испытаний, выпавших на долю нашей Родины, каждый Z-ец, где бы он ни находился, все тот же стойкий носитель долга и чести полка на посту своего исконного служения Великой Родине...

Звание Z-ца обязывает, и в особенности в исключительно трудных условиях современной жизни, сохранить верность традициям полка и передать их нашим потомкам такими же, какими мы приняли их от наших предков...

Одушевленные этими мыслями, нашим славным прошлым, в котором черпаем наши силы, ради сохранения морального наследия, врученного нам историей, – наших традиций, – для дела будущего строительства России, мы, находящиеся в Париже члены Z-ской семьи, собрались ** 192* года и выработали наш закон, правила нашей организации и изложили его в следующих статьях...

Вот они эти краткие, простые и ясные статьи... я любовно перечитываю их раз, другой... и они кажутся мне пределом ясности и почти что физической осязаемости.

Наш Закон уже рисуется мне начертанным на скрижалях, подобных тем, на которых начертаны были заповеди Моисея. И самый стиль и сущность его навевают на меня прекрасный аромат далекого прошлого... и картина за картиной воскресают в моей памяти.

Я вижу себя недавно прибывшим в полк молодым офицером...

Бильярдная комната офицерского собрания постепенно наполняется. Дверь из обширной, неудобной и холодной передней поминутно с шумом отворяется и впускает все новых и новых офицеров, сияющих своей прекрасной формой, безукоризненной выправкой, уверенными движениями и как бы излучающейся из каждого жизнерадостностью молодости. Входящих то и дело шумно приветствуют: «Здорово, Гено! А! Кокор! Рома! Саша! Арчилл!» – или приветствия переходят вдруг с имен и прозвищ на цифры рот и батальонов, в которых состоят входящие...

– Здорово шышнадцатая! Здорово славная шестая! Здорово «четвертый»... – Сразу бросается в глаза, что собирается только молодежь не выше штабс-капитанского чина, и все же набирается до сорока человек. Каждого старшего из входящих все подчеркнуто «отчетливо» встречают, вставая и вытягиваясь, пока не кончалась церемония обычных приветствий. Заметно также, что офицеры избегают называть друг друга по имени и отчеству, а называют по прозвищам и именам, и только одни мы, «молодые», выдаем себя тем, что ко всем обращаемся с упоминанием чина.

Большая бильярдная комната, несмотря на свою неудобность, любимое место для сбора друзей.

Здесь обыкновенно рождались многочисленные планы и отсюда же начиналось проведение их в жизнь.

Здесь же, как узнаем, зародилась вчера мысль и нашего чествования – и первоначальное недоумение «молодых»... разъясняется.

Большие деревянные диваны, стоящие вдоль стен, и большой солидный бильярд с необходимыми принадлежностями – единственная обстановка этой комнаты, если не считать висящей вдоль стен длинной вереницы портретов бывших командиров полка, от Гордона, изображенного на старинной гравюре, до последнего командира, снятого в тифлисской, хорошо известной всем фотографии.

Диваны давно укомплектованы старшими офицерами. Младшие, не имея где присесть, стоят в независимых позах, попыхивая папиросами и ведут оживленную, дружескую беседу. Табачный дым поднимается облаками от этих групп и, временами, начинает походить на дымовую завесу, из-за которой, словно из тьмы веков, серьезно глядят лики старых боевых командиров. Сегодня полковая молодежь, к которой относились подпоручики, поручики и часть штабс-капитанов, не обремененных еще семейными обязанностями, – выбрала день для чествования или, как нам было объявлено, для ознакомления с молодежью.

Нас, «молодых» – восемь, прибывших из пяти военных училищ.

Ровно в девять часов, как было назначено, дверь, ведущая в большой квадратный, полуторасветный зал, распахнулась и на пороге показался хозяин собрания, поручик Гаврюша К., невысокого роста, худощавый брюнет, с черненькими усиками и маленькими, глубоко сидящими глазками.

– Пожалуйста, господа! – обратился он к собравшимся офицерам, приглашая их широким жестом в столовую. Никто не заставил себя просить дважды и все гурьбой направились через слабо освещенный, громадный зал к яркой полосе света, вырывающейся из широко раскрытых дверей столовой.

Взору вошедших представилась прекрасная перспектива большой продолговатой, залитой светом столовой, посреди которой красовался длинный стол, накрытый белоснежной скатертью. Он был уставлен правильными рядами приборов великолепного кузнецовского фарфора, с тончайшей, художественной работы, полковыми вензелями. За приборами, в том же безукоризненном равнении, поместились хрустальные бокалы, стопки и рюмки. За ними, в центре стола, среди разного рода закусок и вин, возвышались прекрасные серебряные вазы с цветами – желтыми и красными. Все свободные в этом пространстве места заняты кубками, чарочками, азарпешами и турьими рогами, оправленными в серебро и золото. На каждом из

этих предметов дата, кем и когда сделан подарок в полковую сокровищницу. Столовая утварь, накопившаяся столетиями, представляла в полном смысле слова – сокровищницу. Кроме сотен комплектов серебряных приборов, остававшихся от каждого офицера, служившего в полку и обязанного иметь свой прибор, она имела еще массу ценных подношений от различных полков, городов и старых сослуживцев, делавших свои подношения в различные выдающиеся моменты полковой жизни. Но главными и ценнейшими были царские подарки – державных шефов, которые, кроме своей действительной стоимости, представляли собой высокохудожественные произведения искусства и исторические реликвии. Этих, последних, за столом нет. Они подаются лишь в особо знаменательных случаях, а посему красуются в громадном резном шкафе, специально привезенном из Венеции.

Когда все офицеры встали возле своих именных приборов и невольно стих шумный разговор, старший из присутствующих, едва уловимым наклоном головы попросил всех сесть. Зашуршали отодвигаемые стулья, сверкнули и заиграли отразившись в прозрачном хрустале яркие пуговицы и блестящие погоны, и каждый как бы в нерешительности и раздумьи задержался, предаваясь созерцанию красоты девственности сервированного стола.

Это продолжается момент, в который, однако, я улавливаю торжествующий взгляд моего визави поручика, которого все зовут Арчиллом, – брошенный моему соседу, тоже молодому.

«Каково, брат?» – одними глазами говорил Арчилл... и ошеломленный «молодой» ничего не отвечая, как бы растворился в восторженной улыбке.

– Господа! – произнес, поднимаясь, сидевший в голове стола старший, и все встали.

– Я поднимаю бокал за здоровье державного шефа полка, Его Императорского Величества Государя Императора! Ура!..

Громкое дружное ура огласило столовую и с рокотом перенеслось в пустой зал... и не успело еще замереть, как все запели хором, вдохновенный Z-ский марш...

– Господа! – раздался голос того же офицера. – Я предлагаю выбрать, по-кавказскому адату тулумбаша¹ и таковым предлагаю избрать Володю Дельского.

– Просим! Просим! – раздались со всех сторон дружеские голоса. Этого оказалось достаточно и тулумбаш принял бразды правления в свои руки.

– Z-цы – Алаверды! – как бы скомандовал тулумбаш, и все буквально залпом выпалили – «Яхши-Ол».

«Учись, брат!» – одними глазами наставлял торжествующий Арчилл... и тотчас же поворачивался сам к тулумбашу и нарочито серьезно весь обращался «в слух».

– Господа! – тем временем говорил тулумбаш Володя. – Сегодня мы приветствуем молодые силы, влившиеся в наш старей, горячо любимый полк.

Этот день, всегда большое событие в нашей маленькой жизни. Для нас это подтверждение вещих слов нашей полковой песни: «Z-цев нас немало мертвых и живых, было... есть... и будет»... Мертвым слава и честь; это их трудами и их подвигом создавался избранный вами (при этих словах он выразительно обвел глазами «молодых») наш славный полк... Живые, это все мы, присутствующие и отсутствующие Z-цы готовые ежечасно, ежеминутно, поддержать честь и доброе имя наших славных предков и нашего седого, увенчанного славой полка. Уйдем или погибнем мы, полк не умрет. Нас заменят наши дети, внуки и правнуки... и «как в прошедшие века»... в минуты тяжелых испытаний полк только «сомкнет штыки»... и славным погибшим явятся на смену доблестные живые... Пример налицо... Господа! – возвысил голос тулумбаш, – в этом году все восемь выпущенные к нам в полк кончили свои училища портупей-юнкерами. Да здравствует наша славная молодежь!

Z-цев нас не мало —

¹ Тамада.

Мертвых и живых...
Было... есть... и будет... —

дружно и задорно взяли тенора.

Выпьем и за них... —

присоединились баритоны и басы.

Ура, Z-цы!
На картечи нам придется в бою лечи
Сам Бог повелел.
Сам Бог повелел. —

повторили басы и октавы.

С добрым духом! —

как бы поздоровавшись воскликнул тулумбаш.

Сомкнем штыки! —

отвечали все разом.

Z-цы! —

командовал тулумбаш... и все, выждав два счета, дружно выпаливали:

Пли!

И вновь, стоя, все исполняли хором полковой марш. Собранская прислуга, рослые красавцы в белых рубашках с белыми поясами и в белых перчатках, бесшумно подают и убирают, скользя, как тени. А тулумбаш не унимается, уже назначил себе помощника и потребовал, чтобы «молодые» от каждого училища сказали слово.

— Прошу младшего, — распорядился Володя.

Младшим оказался Павлон, за ним два Александровца, потом Одессец, потом Павлон, Тифлисец, Алексеевец и, наконец, самый старший из выпуска Тифлисец. Каждый сказал свое слово и каждому отвечал кто-либо из его старших однокашников.

Просты и бесхитростны были слова, никто не сказал ничего особенного, но всех выслушивали внимательно, даже напряженно. Когда кто-нибудь более удачно выражал свою мысль, немедленно слышались голоса:

— Как он говорит!

— Какой поэт!

— Второй Кикнадзе.²

И обычно после такой речи все затягивали комическую песнь:

Пушкин, Гоголь, Лермонтов и Ге-е-й-не

² Знаменитый талантливый тулумбаш, известный всей Кавказской армии.

А за ними современ-ны-е по-э-эты...

Тут все вставали, чокались с «поэтом» и продолжали:

Прославляют «наших» дам,
Ножки милых чудных дам,
Тра-та-ра-та-там,
Тра-та-ра-та-там,
Там-там...

Но чаще случалось, что поэтов не оказывалось. Красивая мысль, пришедшая в голову, не находила нужных слов для ее выражения и происходила заминка, – тогда все дружным «ура» выручали товарища из неловкого положения.

– Дорогой мой, вы не допивайте своего бокала до дна, вас не хватит, а опаздывать на службу у нас не полагается, – тем временем шли поучительные разговоры... или...

Арчилл, выпив на брудершафт с подпоручиком Четыркиным, торжественно ему заявлял:

– Ты, брат Четыркин, не грусти. – Хотя Четыркин и не думал грустить. – Тебе батальонный не замечание сделал, а только заметил, что у тебя очень «красивая» челка... У нас в полку ни челки, ни бакенбарды не полагаются... При мне был такой случай, – говорил Арчилл, – один наш офицер, сейчас он в Академии Генерального штаба, – отпустил себе «котлеты». Ему офицеры сказали раз, другой, – не помогло. Тогда устроили товарищеский ужин, на который пригласили и его. Ужин был в полном разгаре, когда к нему подошли четыре офицера, взяли его вместе со стулом и торжественно понесли на сцену... вот сюда, – указал он на сцену (столовая являлась в то же время зрительным залом). Хозяин собрания в этот момент поднял занавес и все увидели на сцене нашего полкового парикмахера Баграта, сидящего за столиком со всеми принадлежностями, направляющего бритву. Тут же на столе и горячая вода в чашечке, одним словом, все как полагается и... здесь на сцене, с его «согласия» – сбрили одну котлету...

– Ну, будь здоров, дорогой Коля, – протягивая бокал и чокаясь с молодым Александровцем, говорил Арчилл; а немного погодя, как ни в чем не бывало, добродушно предлагал: – Знаешь что, Четыркин, идем завтра вместе стричься...

Сто с лишком лет
Тому – как было,
Про что мы песню пропоем... —

мягким приятным тенором начинал помощник адъютанта – Саша – песнь про подвиг рядового Гаврилы Сидорова в Персидскую войну 1805 года, известный в истории под названием «живой мост», когда солдаты, увлеченные примером Сидорова, бросились в непроходимый для артиллерии овраг и по своим плечам перекатали орудия, причем сам Сидоров сорвавшимся вторым орудием был раздавлен.

Как умер егерь Гаврило,
Но память мы храним о нем.

И все, дружно вливаясь, подхватывали:

Лейб-гренадер удалой,
Ты люби свой полк родной
И для славы его не жалей ничего.

Неслась песнь, западая глубоко в душу, чтобы раз и навсегда покорить ее величием подвига, научить бескорыстной и беспредельной любви к Родине и к Полку, сложившему солдатскими талантами эти прекрасные песни, возвышающие душу своей отвлеченной красотой...

Мягко светит луна, озаряя полковой плац, памятник рядовому Сидорову и полковую церковь с хранящимися в ней знаменами...

Замирает на своем посту часовой, завидя приближающихся офицеров...

Тихо дремлет сосновый лес, распространяя свой тонкий упоительный аромат в горном ущелье над спящим Манглисом.

* * *

Несутся годы... В сосновом лесу у Паньской Нивы в Галиции раскинулся наш бивак...

Сзади... десять месяцев войны, десять месяцев напряжения всех физических и духовных сил, честно пройденный путь, отмеченный тысячами безвестных могил русских воинов, принявших смерть за Родину, гордое сознание исполненного долга... и клочки разрушенных надежд и несбывшихся мечтаний.

Впереди... – короткие перспективы: от боя – до боя.

Полк только что пропел вечернюю молитву и лес загомонил тысячами голосов. Зажглись костры; подъехали кухни и густо потянулся к небу дым бивачных костров и запах солдатского борща.

У палатки начальника команды разведчиков прапорщика Богдана С., важное совещание заговорщиков.

Необычайное происшествие. Одновременно из Петербурга приехал оправившийся от ран Четыркин и привез заказанный по телеграфу, для командира второго батальона Георгиевский крест; а из Львова, от Ханши С., матери Богдана, прибыла двуколка с винами, закусками и шампанским. Идет лихорадочная подготовка к импровизированному торжеству – подношения Георгия бывшему командиру второго батальона. Медлить нельзя... ибо «потеря времени смерти безвозвратной подобна».

На передовой линии, что в пяти верстах впереди, мертвая тишина, но тишина зловещая. Обстановка напряженная. Два батальона вызваны на ночь на поддержку передовых частей и уходят. Штаб полка перебирается ближе к фронту, и командир на торжестве быть не может. Тем паче, медлить нельзя...

Завтра может в эту пору
Нас на ружьях понесут... —

вспоминается каждому, и все спешат на маленькую поляну среди леса, где при тусклом свете двух фонарей накрыт стол. Конструкция стола оригинальна: прямоугольник, величиной с крышку большого стола, окопан канавкой. В эту канавку садящиеся за стол опускают ноги. Прямоугольник уже накрыт скатертью и на нем стоит все, «что бог послал».

В этот день «бог послал» очень тонкие деликатесы и прекрасные вина, и изголодавшиеся по вкусным вещам гастрономы, опуская в канавку ноги, одновременно одобрительно кричат и потирают руки.

Все офицеры двух оставшихся батальонов налицо. Их только десять. Среди деревьев мелькает силуэт виновника торжества... Это худощавый, сотканый из одних костей и мускулов человек, среднего роста, голубоглазый, светлый блондин, с мягкими расплывчатыми чертами лица. В нем не трудно признать уроженца далекого севера – он финн.

– Господа офицеры! – раздается команда, и все вытягиваются и замирают. Замирают с внутренней дрожью готовых вырваться наружу восторженных чувств к любимому командиру.

– Вольно! – небрежно отмахиваясь, говорит командир, спуская ногу в канаву и, ничего не подозревая, спрашивает: – Это по какому случаю такой парад? – Но увидя необычайную торжественность застывших поз и лиц, невольно останавливается и вытягивается сам.

– Господин полковник! – произнес старший офицер второго батальона таким торжественным тоном, что у хозяйственной двуколки, все денщики, повар и конюха, стоявшие в почтительном отдалении, невольно «берут под козырек», а повар, бывший без фуражки, приложил руку «к пустой голове».

– Господа офицеры второго батальона имеют высокую честь, в лице своего доблестного командира, приветствовать одного из тех полковых героев, имена которых занесены на, не знающие смерти, страницы полковой истории, вместе с описанием содеянных ими подвигов. Эти страницы – полковая гордость. Мы помним, какой надеждой окрылили вы весь полк своей ночной атакой 6 декабря... Это вы возвратили утраченное нами сердце и тем заслужили общую признательность.

Георгиевская Кавалерская дума, признала в вас того, «кто не только обязанность свою исполнял во всем: по присяге, чести и долгу, но сверх сего ознаменовал себя в пользу и славу Российского оружия особенным отличием»... и присудила вам орден Св. великомученика и победоносца Георгия. Мы горячо просим Вас принять на память от ваших боевых соратников, офицеров второго батальона, этот крест, – мечту каждого Русского офицера.

– Ай какая молодца! какой поэт! – едва успел выговорить командир, как попал в очередные объятия...

– Ну, господа, за дело. Лови момент, – нарушил торжество минуты Четыркин.

– Телесная пища необходима для поддержания бодрости духа, – чревовещательным басом изрек произведенный за боевые отличия из подпрапорщиков – прапорщик Богач.

Зажурчало разливаемое вино. Наполнились бокалы. Галицийский лес встрепенулся, услыша как растроганный русский офицер сказал немногосложный тост за своего государя. Лес выслушал ответное ура живых Z-цев и, одобрительно зашуршав своими далекими верхушками, принялся слушать их полковую песнь:

Я пью за первый батальон,
В нем шеф державный занесен
В списки родные.

* * *

Я пью за батальон второй,
Велик он славой боевой...
И командиром.

* * *

Я пью за третий батальон,
Не отставал и он ни в чем
На поле брани.

* * *

Лучами славы озарен
Стоит четвертый батальон
На Ардагане.

* * *

Я пью за наших кунаков,
H-цев молодцов Бегли-Ахмета.
Они умели славно жить,

Всегда отчаянно рубить
Врага без счета.

Уже много пробок шампанского с треском вылетело ввысь, когда чей-то денщик доложил:

– Так что ваше высокоблагородие, два молодых прапорщика изволили прибыть и просят разрешения явиться.

– Проси! Проси! – обрадовались все и навстречу прапорщикам направились два офицера.

Вот они, безусые юнцы, как прозвали их: два Аякса, в новенькой походной форме, со всеми ремнями и блестящими значками Алексеевского военного училища. Оба красавцы – высокого роста и совершенно не похожие друг на друга: типичный русский и типичный армянин.

– Ну, подсаживайтесь к нам, – задвигались все, – немного поздновато... да ничего, найдется чем накормить...

– Нас задержали в штабе дивизии, хотели послать в разные полки... насилу упросили.

– Мы вместе из одной гимназии, вместе кончили военное училище и хотели попасть в один полк...

– Правильное решение, – раздались сочувственные голоса.

– Стало быть, вы два Аякса... – Ну-ка там... Иван... подать господам офицерам закусить с дороги...

– Прапорщик Богач! – подзуживали его офицеры. – Скажите ваше слово молодым офицерам...

Прапорщик долго отнекивался, но доброе вино, плотная закуска и полная непринужденность обстановки располагали к душевному излиянию... Богач, вдруг, поднялся во весь свой огромный рост и гаркнул:

– Z-цы – Алаверды!

– Яхши-Ол! – не замедлил ответ... и все насторожились.

– Господа молодые офицеры, позвольте мне поздравить вас с прибытием в славный Z-ский полк. Добро пожаловать! и будьте покойны, вы никогда не пожалеете, что попали к нам. У нас, можно сказать, полк отборный, и воюем мы без отказа. И начальство нами довольное, и солдаты нас уважают. Оно и вам полезно будет кой чему здесь поучиться. Здесь у нас, вроде, как школа. Смотришь, приходит офицер и взять с него нечего, а поживет, походит и каким героем становится... хоть куда. К примеру сказать, посмотрите сюда, – указал он на офицеров, сидевших в голове стола, из которых двое были подполковниками, а остальные не старше поручиков.

– Такие же были, как вы, а уже каждый орденами увешан... геройский все народ...

Здесь красноречие Богача иссякло; наступила пауза... Не найдя нужных слов, он еще раз выразительно взглянул на прапорщиков и произнес вразумительно и нежно:

– Того и вам, господа молодые офицеры, желаю.

На утро начался бой. Весь день лес сотрясался от гула разрывов и стрельбы. Кругом все рокотало... Громадный кровавый диск солнца уже коснулся своими краями синевшего вдали леса, когда на поляну, где вчера царил веселье, вышли санитары с окровавленными носилками.

На носилках покоилось безжизненное тело одного из тех, кого Богач именовал геройскими офицерами...

– Перемени ногу-то! Янулис! тебе говорю, али нет? – бурчал санитар... За носилками шел денщик убитого – Иван, он нес в руках офицерское снаряжение и фуражку своего барина и горькие слезы катились из его глаз...

Мелькает картина за картиной, и все двенадцать лет проходят печальной вереницей.

Париж... Мадлен... Я вижу вновь так изменившиеся за эти годы родные лица... Седина серебрит головы когда-то беспечной молодежи...

Скромные пиджаки и рабочие блузы сменили блестящую форму и прикрыли израненные тела...

Серьезны лица офицеров... плотно сжаты их губы и залегли глубокие морщины на мужественных гордых челах и думают они крепкую думу, слушая речь своего командира...

Сильно поредели ряды Z-цев. Где только нет их могил?.. В Августовских лесах, у прозрачных Мазурских озер, у медленно несущих свои воды – рек Бзуры и Буга, у Сморгони и Вильно, в широких степях Поволжья и на полях Кубани...

Блестят глаза старого командира, держащего речь к сомкнувшим ряды Z-цам... – «с бодрым духом!» – как бы говорят они... И наполняется сердце радостным волнением...

Буйный ветер сотрясает мою мансарду, как бы желая отвлечь мое внимание и нарушить тихую торжественность охватившего меня душевного состояния. Напрасно. Я берусь за перо; и, во исполнение параграфа пятого, только что принятого устава, начинаю эту книгу.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Вечерело. Ожесточенный бой за обладание маленькой польской деревушкой затихал.

Первыми притихли злорадно тарахтевшие пулеметы, ибо заманчивые цели в виде ровных длинных цепей то в серых, то в черных шинелях, уже давно закопались в землю, не имея сил перешагнуть через заветную черту победы.

Победителей сегодня не было, и противники, равно уставшие и изнемогшие от нервного напряжения в бою, постепенно прекращали огонь, и водворявшаяся тишина нарушалась лишь одиночными выстрелами любителей пострелять, да немецкая артиллерия изредка посылала очереди куда-то вдаль. Ее снаряды, жутко журча высоко, высоко над головой, совсем далеко разрывались, – так не громко и мягко... Казалось, что немцы кому-то не дослали известной порции снарядов и теперь, подсчитываясь, все ошибались в расчете и досылали недоданное.

Под крутым откосом обрыва, спускавшегося к реке, приютилась рота резерва. Около наколенных ям и ниш копошились люди. Их силуэты тем ярче обрисовывались на фоне догорающей за рекой деревни, чем становилось темнее. Слышались негромкие сдержанные голоса и суета.

– Пятая рота, в ружье! – донеслось громко откуда-то слева, и десятки голосов на разные лады повторили: – Пятая в ружье, пятая собирайся!

Перед глазами зарябили шныряющие фигуры, послышался лязг штыков, скользивших друг по другу при разборке винтовок из козел... застучали котелки, и отчетливо прозвучали голоса взводных: – Первый взвод ко мне! второй взвод стройся здесь!

– Ты, чертов турок, опять винтовку не найдешь... я тебе говорю, рожа, сказано, становись, пока карточка цела. – Из третьего и четвертого взводов доносились более энергические выражения... и не прошло и пяти минут, как все затихло, и только отдельные фигуры маячили вдоль длинной змееобразной линии роты, построившейся у обрыва, применительно к местным условиям – без соблюдения особенного равнения. Слева, откуда донеслась первая команда, вспыхнул карманный электрический фонарик, и яркий эллипсис, появившийся на земле, стал приближаться к выстроившейся и замершей роте.

– Подпрапорщик Ковтун, у вас все готово? – прокричал молодой подпоручик, двигавшийся с электрическим фонариком.

– Точно так, ваше благородие! – пожалуйста сюда, не упадите только – здесь яма... Ишь, черти, накопили норы, – буркнул себе в бороду, басом, старый подпрапорщик, фельдфебель Ковтун.

– Рота смирно! Равнение направо! – вполголоса, но достаточно внушительно и отчетливо скомандовал Ковтун.

– Стоять вольно! – подал команду подошедший молодой подпоручик и фонарик погас.

В этот же момент, там, откуда только что пришел подпоручик, вспыхнули два фонаря и два эллипсиса, появившиеся на земле, рядом, мигая, сталкиваясь и перекрещиваясь, поползли к роте.

– Рота смирно! Равнение направо! – раздался голос подпоручика... и наступила мертвая тишина.

– Все в порядке? – произнес командир роты, высокий крупный капитан.

– Так точно, господин капитан, – снова послышался голос подпоручика.

– Господа офицеры, займите ваши места! На ремень! По отделениям, за мной, шагом марш! – скомандовал ротный, и на ходу добавил: – Курить нельзя.

Впереди всех шли проводники и ротный командир, а за ними, по отделениям, плотной угрюмой массой, вся рота – двести сорок человек.

– Будет, что ль, наступление на немца? – с затаенной тревогой спросил чей-то голос, обращаясь к молодому подпоручику, шагнувшему на фланге третьего взвода.

– Нет. Мы идем на смену первому батальону.

– А вы знаете, ваше благородие, проводники сказывали, что от первого нашего батальона и половины не осталось. Их высокоблагородие капитан Головкин убит, командиры третьей и четвертой роты ранены, двух подпрапорщиков третьей роты убило, и одного моего земляка из Александровского убило. А сколько простых – и не счесть, как мухи лежат побитые.

– Какие тебе мухи, – слышались протестующие голоса, – хороши мухи! Нешто мухи люди живые?

– Живые?! – подхватил третий.

– Были живые, – да померли.

– «Погибли во славу русского оружия» – буркнул вмешавшийся взводный.

– Ребята! – слышался голос ротного, остановившегося, чтобы пропустить роту.

– Как немец наведет прожектор, – падай и не шевелись! Понятно?!

– Так точно, понятно, – загудели голоса.

На косогоре появилась головная часть роты, едва различаемая при слабом отблеске догорающей впереди деревни.

– Вот он, немец, прожектор наводит! – невольно воскликнуло сразу несколько человек, из первых поднявшихся на бугор.

– Ишь как быстро ворочает!

И восклицания эти замерли, так как громадной силы луч стал приближаться к тому месту, где показалась рота... Луч мигнул раз, другой и разом осветил всю роту, только что вылезшую на бугор.

Что-то крякнуло, зашуршало... звякнули котелки... и рота пала ниц, – как один человек.

Луч прожектора остановился и начал мигать. Наступило гробовое молчание... Молодой подпоручик осторожно повернул голову, чтобы посмотреть, что делается вокруг.

Его взору представились белые, искаженные страхом лица, частью глядевшие в сторону от нестерпимо ослепляющего света, или уткнутые в землю.

Бах, – бах, бах!.. – громынули выстрелы и на горизонте мигнули зарницы их взблестков.

Четыре снаряда с визгом пронеслись над головами и разорвались где-то за рекой. Еще мгновение... и луч пополз дальше.

– Кажись, это не по нас вдарил немец, – сказал кто-то очнувшись.

– Это он спросоня, дескать, и вы, мол, не спите, – сказал кто-то другой.

– Вперед! – слышалась команда... и шуршащая масса людей опять двинулась вперед.

– А далече нам идти сменять-то? – бросил кто-то в пространство... но никто ничего не ответил.

– Ваше благородие, глядите, наши лежат побитые. Подобрать бы их, да куда понесешь, когда сам не знаешь, куда себя схоронить.

Ветер донес теплый запах гари. Рота спускалась по отлогому скату к догоравшим остаткам деревни. Внезапно засветившийся прожектор озарил своим ослепительным лучом роту... и повалил ее на землю.

Раз, два, три, четыре, – громынули разрывы шрапнелей...

Едкий запах пороха защекотал в ноздрях и жалобные, полные отчаяния голоса завопили:

– Санитар! ой, санитар!.. ой-ой санитар... сюда... ой-ой санитар... скорей... не могу...

– Рота вперед! – решительно скомандовал ротный...

– Санитар!.. – жалобно прозвучало позади...

– Тише – тише! – прошло по рядам...

– Немец близко...

Впереди подпоручика кто-то споткнулся и мягко шлепнулся в грязь.

– У, ты, слепой дьявол; падаешь, так штык убери... воронки цельной не видишь... – прошипел взводный, помогая выкарабкаться попавшему в яму.

– Рота стой! – послышалась, наконец, команда.

– Какая рота? пятая? Это ты Арсен? – послышался голос из темноты.

– Я, – ответил знакомый голос ротного.

– Пройдем ко мне в подвал, я расскажу тебе все, что нужно... – вновь донеслось из темноты.

– Ваше благородие, поглядите, немцы побитые лежат в касках все... прямо замечательно... видно жаркое дело было... – слышались удивленные возгласы...

Из окопов, начинавшихся у самой деревни и расходившихся перпендикулярно к дороге в обе стороны, двигались люди с носилками и, тяжело ступая по пахотному, разбухшему от осенних дождей полю, еле передвигали ноги.

– Командир второй полуроты! – раздался голос ротного. – Смените третью и взвод четвертой роты, что вправо от дороги.

– Слушаюсь! – отозвался подпоручик и двинулся с полуротой по указанному проводниками направлению.

– Ну, и темь же сегодня, хоть бы немец посветил чуточку, покамест сменяться будем, – сказал шутливый молодой солдат.

– Ты поскули, поскули, так он тебе засветит, – всю жисть с фонарем ходить будешь, – немедленно отозвался другой голос.

– Кто идет? Какая рота? – вновь раздались оклики... и только теперь стало возможно разглядеть солдат, сидевших по ямам, – по пояс глубиной.

– Вы кто будете, смена нам? – спрашивали сидевшие.

– Смена, смена, – отвечали пришедшие.

– Ну, боевая третья, вылезай! – слышались радостные возгласы.

– С нас будет, а вы, братцы, тут за нас побудьте, – говорили вылезавшие и начинавшие выстраиваться.

– А что, немец близко? – вполголоса, как бы с опаской, спрашивали сменяющие.

– Близко... Завтра увидите, – слышались иронические ответы...

Не прошло и пяти минут, как заскользивший и заплямкавший по грязи топот сотен ног возвестил, что смена закончена, и 5-я рота стала лицом к лицу к загадочному и суровому врагу.

– Подпрапорщик Ковтун! – вполголоса обратился к Ковтуну подпоручик.

– Обстановка такова: ни справа ни слева – своих нет. Мы сменили первый батальон, который во время сегодняшнего наступления опередил своих соседей. Нам приказано держаться здесь во что бы то ни стало.

– Так точно, – убежденно вставил Ковтун.

– Нужно сейчас выслать секреты и хорошо было бы вправо выделить полевой караул, – отдавал свои первые боевые распоряжения молодой подпоручик.

– Не извольте беспокоиться, все уже выставлено; я вот только управлюсь, пойду на них погляжу и обязанности попрошу-с. Вы, ваше благородие, не извольте беспокоиться; солдаты все надежные, сами вызываются в секрет. «Хотим, – говорят, видеть германца». – Вам, ваше благородие, я приказал принести соломы в блиндаж. Блиндаж, правда, один смех – всего ставней накрыт... да как-нибудь до утра досидите, а там Бог даст вперед... а нет, так прикажу сделать по наставлению.

– Спасибо, дорогой, – ласково, и совсем не по-начальнически, ответил подпоручик.

– Спать я не буду, меня всегда можно будет найти здесь. Наш ротный будет находиться в деревне, а первая полурота с подпоручиком Богдановым – в окопах по другую сторону деревни.

– Так точно, все понятно, – одобительно заявил Ковтун.

«Вот она и война», – отходя от Ковтуна, произнес про себя подпоручик, вглядываясь в ночную темноту.

– Неужели будет опять дождь? Вот будет скверно... – рассуждал сам с собой подпоручик. Он медленно, как бы в раздумьи, поднял руку, вытянул кисть из-под обшлага и посмотрел на часы со светящимися стрелками...

– Только одиннадцать!.. до рассвета еще далеко. – Откуда-то из ближайшей ямы уже раздавался храп.

– Неужели здесь, под дождем, в сырости, под открытым небом, можно спать? – задал себе вопрос подпоручик. – Мне кажется, я б не заснул.

Обойдя роту и найдя все в порядке, подпоручик тихо спустился к себе в нору, чтобы укрыться от ветра.

– Ты будешь есть концерты³? А то я открою, – спрашивал один солдат другого через час после смены.

– Эх бы картошки сварить, вот было бы дело! Я сбегая пошукаю по халупам, наверное что-то осталось...

– Не смей оставлять роты! Я тебе пошукаю, – грозно произнес подпоручик, невольно подслушавший разговор, высываясь из норы.

– Ты соображаешь, – продолжал он, – что если вся рота, так же, как ты, пойдет по деревне шукать картошку, то немцы заберут нас голыми руками. – Голоса притихли... и только мерное похрапывание ближайших людей нарушало установившуюся ночную тишину.

– Ну, кажется, и я заснул, – дрожа мелкой дрожью и вытягиваясь, произнес очнувшийся подпоручик.

– У-у-у-а-х! как сыро. Какая мерзость эта осенняя слякоть и этот дождь сквозь сито. Слава Богу, скоро светает. Нужно посмотреть, что с ротой.

Рота спала. Бодрствовали только часовые, секреты и дозоры. Моросило... и пронизывающий ветер проникал чуть не до костей... Но вот сумрак ночи начал проясняться. Сначала из тумана обозначилась линия наших одиночных окопов, затем стали вырисовываться контуры сгоревшей деревни. Это были жиденькие, безлиственные деревья, целая вереница дымовыходных труб и 6–7 чудом уцелевших халуп. Дальше выяснилось, что позиция роты совершенно изолирована и как бы в нерешительности остановилась почти у самого конца пологого ската, спускающегося к широкой ложине.

Вот туман рассеялся настолько, что стало видно и немецкое расположение. Этого, по-видимому, ждал наш подпоручик, который, высунувшись из своей норы, старался рассмотреть в бинокль немецкое расположение.

Теперь стало возможным рассмотреть и его облик. Это был высокий, стройный, худощавый, но мускулистый юноша 20–22 лет, не имевший в лице своем ничего замечательного: оно не было красивым и не было безобразным; в нем не отражались какие-либо сильные страсти. Карие глаза смотрели спокойно, не выдавая волнения от несомненного интереса к впервые обнаруженному противнику. Движения все были неторопливы, уверенны, но без всякой претензии на позировку. Одет он был по форме: в серую солдатскую шинель с погонами, на которых красовались две звездочки и кованный вензель царствовавшего государя.

Погоны даже теперь, в столь незаурядной обстановке, составляли предмет его особого внимания, так как он только что достал платок и тщательно вытер вензель левого погона, к которому прилип комок обвалившейся земли. На нем было офицерское снаряжение: пояс с наплечными ремнями, шашка, револьвер, большая полевая сумка, расстегнутый уже футляр бинокля... и великолепный «Цейс», висевший на ремешке через шею.

³ Консервы.

Остается добавить, что на голове у него молодцевато сидела защитного цвета фуражка с офицерской кокардой и опущенным на подбородок ремешком, а ноги были обуты в сапоги из черной кожи, доходившие ему чуть выше колен, чтобы получилось довольно типичное изображение одного из тех молодых русских офицеров, которые тысячами стояли в это холодное сентябрьское утро на всей необъятной границе Российской империи, обозначавшейся сейчас не географическими и этнографическими рубежами, а доблестью армии, ее духом, дисциплиной, выучкой и прочими неотъемлемыми качествами, которыми так сильна была в то время Россия, имевшая впереди, на защите своих границ и чести – все здоровое, честное и мужественное.

Подпоручик увидел фигуры в черных шинелях, повывлезавшие из немецких окопов, что были не дальше 400 шагов. Фигуры эти стояли, потягиваясь, куда-то уходили и неторопливо снова возвращались.

Наши также понемногу начали вылезать из своих нор и глазеть на немцев...

– Ваше благородие, разрешите открыть огонь, – заявил подпрапорщик Ковтун, вынырнувший как из-под земли. – Война так война. Прицел тут самый «постоянный», – Янулис наш, сами знаете, ваше благородие, какой он стрелок, и тот не промажет, а для германца все же потеря.

«Да, собственно, следовало бы», – подумал подпоручик, убежденный логичностью доводов своего подпрапорщика, и вместо ответа скомандовал:

– Не вылезать из окопов! Приготовиться!

Как лягушки попрыгали в окопы открыто стоявшие наверху люди, как ужаленные вскочили еще спавшие, и целая сотня голов вдруг высунулась из ям... Защелкали затворы... и наступила грозная тишина.

– По противнику!.. Постоянный!.. Полурота!.. Часто!.. Начинай!! – отчетливо скомандовал подпоручик и поднес к глазам цейссовский бинокль.

Еще не замер последний звук команды, как кто-то уже успел спустить курок... и нелепое и резкое «тах!» нарушило тишину начинающегося дня.

Не успел каждый выпустить по одной пуле, как и с немецкой стороны застучали выстрелы, не слышно стало вдруг своего собственного голоса... и поле совершенно обезлюдело.

Перестрелка начинала разгораться.

Не взирая на то, что ничего и никого, казалось, не было видно, сразу же справа передали:

– Ваше благородие, Карпенку ранило – кончается... в голову попали, черти.

Два немца с котелками в руках появились вдруг за своим окопом, спеша укрыться в нем с приготовленной едой... но два метких выстрела с нашей стороны уложили их на месте.

Но вот в дело вмешалась немецкая артиллерия. Десятки гранат с гнетущим скрежетом и ужасным воем стали рваться то тут, то там, вздымая фонтаны земли и грязи, а пронзительно свистящая шрапнель тысячами пуль засыпать сверху.

Солдаты как-то сразу съежились и присмирели.

– Ваше благородие, а где же наша артиллерия? Чего она не стреляет? Глядите! Немцы повывлезали. Они нас не боятся, а мы им ничего не можем сделать... – жаловались ближайшие соседи слева и справа.

Положение роты становилось критическим. Люди свернулись клубками в своих ямках, затаив дыхание... Над ними рвалась шрапнель, не давая возможности высунуть головы.

– Смотрите, братцы, чтобы немец не бросился в атаку! Держи винтовки наготове! Всем зарядить винтовки!.. – наставлял подпоручик, и видно было, что приказание это всеми понято и исполнено.

Моросивший дождь обратился в мелкую, холодную крупу, и временами поле начинало даже белеть... но крупа переходила снова в дождь, и все опять окутывалось серой, промозглой сыростью поздней сентябрьской осени.

– Ваше благородие, разрешите я сбегаю к ротному, доложу, чтобы передали батарейцам, чтобы они нас поддержали, – обратился к подпоручику рядовой Зубков.

– А то, глядите, – он указал рукой, – кого-то из 4-го взвода из окопа выкинуло... Вон лежит. Этак нас всех перебьют.

– Санитар! санитар! – раздались вдруг тревожные крики из 3-го взвода... – Санитар!

Видно было, как санитар на корточках подполз к кричавшему, но вдруг тяжело рухнул и замер.

– Ваше благородие, я сбегаю доложу, – напомнил о себе Зубков.

– Ну, Бог с тобой, иди! – ответил подпоручик, ободряюще кивнув головой.

Зубков, вызвавшийся оповестить артиллерию, снял фуражку, набожно перекрестился и, торопливо кинув: «Прощайте, ваше благородие», выскочил из своей ямки и опрометью бросился бежать по направлению к деревне.

Вдруг он как бы споткнулся, нелепо взмахнул руками и упал в свежую воронку от гранаты.

У подпоручика, видевшего эту картину, захолонуло сердце, и он тотчас же увидел, как к воронке, из которой торчали ноги упавшего Зубкова, ползет его отделенный Козлов. Козлов скрылся в воронке и через минуту высунул оттуда голову...

– Скончался, – передал он роте, снимая фуражку и творя крестное знамение.

Маленькие струйки дождя то и дело скатывались со ставни, служившей подпоручику «блиндажом», на стены, то попадали на шинель, на солому, подосланную подпрапорщиком Ковтуном, а мелкие брызги, как назойливые мухи, попадали в лицо, стряхивались, попадали вновь и, наконец, вытирались носовым платком.

«Это не война, – думал подпоручик. – Чего нас держат здесь без всякой пользы: ни вперед, ни назад, ни высунуться, ни повернуться... Не вырыть ли сплошной окоп? Тогда можно будет хоть сообщаться, – все-таки легче станет... Нужно сделать настоящий окоп...»

С этими мыслями он приподнялся и зацепил головой полотнище палатки, брошенное поверх ставни. Собравшаяся в складках полотнища вода, неожиданно вдруг вылилась ему на затылок и тем самым косвенно повлияла на уже принятое решение.

«Где в такой грязи копаться, – мучить людей, – подумал он. – Разве прокопаешь почти полверсты нашими шанцевыми малыми лопатами? Конечно, не стоит. Сизифова работа. Ну ее к черту! Потерпим и так; да и не будем же мы тут стоять целую вечность...»

– Шли часы, а положение не менялось. Немцы поддерживали огонь, рота притаилась, сумрачно молчала и с каждым часом все больше и больше теряла веру в свои силы. Уже не слышались больше шутки и разговоры... Кто сосредоточенно затягивался сигаркой, кто бессмысленно жевал корку черствого хлеба... и никто уже не высывался, чтобы пострелять...

Происходила незримая «сдача инициативы», – тот психологический перелом, который решает исход сражения в тех случаях, когда одна из сторон еще дерзает.

Это ясно понимал молодой подпоручик, но он чувствовал себя бессильным, маленьким и жалким.

«Хоть бы скорее ночь, а с нею покой, конец этой ужасной стрельбе и этому томительному ожиданию ежеминутной смерти... а там наверно придет и смена... Ведь нельзя же вторые сутки провести в такой обстановке...» – вот о чем думал он.

Стемнело. Дождь все моросил и как бы гасил всякие надежды.

Смена не пришла.

Несколько нестроевых притащили на плечах в мешках немного хлеба и сахара. Они же объявили, что кухни не подойдут – обоза нет.

Наступила желанная ночь, вторая ночь... еще более нудная и бесконечная.

В яме сидеть уже было хуже, чем ходить по верху... а в сущности и то и другое было одинаково незавидно...

«Когда же окончится эта ночь?» – слалось в голове подпоручика.

– Ваше благородие, разрешите мне сбегать в халупу погреться, у меня худые сапоги, – совсем озяб, хоть портянки высушу, – умоляюще обратился подошедший рядовой из запасных... – Дозвольте?!

– Иди, только возвращайся поскорей.

– Покорнейше благодарю! – произнес проситель и скрылся в ночной темноте.

В этот же момент донесся плямкающий звук шагов, приближающийся с немецкой стороны.

Подпоручик насторожился и отстегнул крышку кобуры.

– Кто идет?! – раздался оклик.

– Свои. Пленных ведем. Это мы – Сазонов и Голицын, – раздались голоса с ясно сквозившими радостными, горделивыми нотками.

Трофей окружили любопытные солдаты.

– По местам!.. По местам!.. – приказал подпоручик.

– А вы, – обратился он к Голицыну и Сазонову, – отведите пленных к ротному, а потом с ними же прогуляйтесь в штаб полка, – и, подумав, прибавил:

– В награду – три часа на обсушку.

– Покорнейше благодарим, ваше благородие! – радостно воскликнули оба, ибо обсушиться и попить чайку теперь было мечтою каждого.

– Позвать ко мне подпрапорщика! – приказал подпоручик.

– Господин подпрапорщик, вас требует полуротный!.. – ушло в темноту... И через минуту подпрапорщик Ковтун уже стоял перед подпоручиком в почтительной позе, поправляя съехавшую на живот кобуру.

– Чего изволите, ваше благородие? – участливо спросил Ковтун.

– Я пройду на минутку к ротному, а вы останьтесь здесь за меня и присмотрите.

– Слушаюсь! Не извольте беспокоиться, – прозвучал знакомый бас.

* * *

Ротный командир встретил подпоручика сурово.

– Вы почему оставили своих людей? – грозно спросил он, подавая руку.

– У вас, наверно, есть какие-нибудь серьезные причины?

– Никак нет, господин капитан, – смущенно ответил подпоручик.

– Я пришел узнать, когда будет нам смена: люди совсем перемерзли и промокли – все дрожат.

– Смена придет своевременно. Вам нечего об этом беспокоиться.

– А неизвестно, долго ли мы будем здесь стоять? – как-то машинально спросил подпоручик, а сам подумал: «Чего я задал такой глупый вопрос?»

– Чего вы меня об этом спрашиваете? Стоять мы будем здесь ровно столько, сколько нужно, ни одной минутой больше, ни одной минутой меньше. Больше у вас нет никаких вопросов?

– Никак нет.

– Тогда до свиданья. Потрудитесь не оставлять полуроту без приказанья. Вы подаете дурной пример вашим подчиненным...

* * *

Наступил и прошел третий день и третья ночь так, как обыкновенно в сводках отмечалось: «Без перемен».

Подошла и четвертая ночь, – четвертая ужасная ночь. Дождь лил как из ведра. Окопчики по щиколотку наполнились водой. Солдаты то и дело черпали воду и жидкую грязь котелками и плескали ее за бруствер.

Этими звуками расплескиваемой воды, стуком котелков и мерным падением дождя и нарушалась ночная тишина.

Днем опять был обстрел. Двух убило, семерых ранило. Убитые лежали в грязи и мокли. Раненых унесли.

Подпоручик сидел в своей яме молчаливо.

Угрюмые мысли давили его мозг и доводили его до отчаяния.

«Какой ужас эта война, – думалось ему. – И зачем я пошел на военную службу? Почему она меня так привлекала и даже эта самая война казалась такой заманчивой и интересной? А если бы я не был военным – тогда?

Тогда бы мне тоже пришлось быть на войне и в таком же положении», – невольно приходил ответ.

«Но почему же мы сидим здесь и мокнем, как губки, и безнаказанно расстреливаемся? – вставал другой вопрос. – Как это хорошо выходило у Румянцева, Суворова и Паскевича... Они ходили, разбивали, брали в плен... торжествовали. А мы... сидим. А главное, мы сидим, а нас расстреливают.

Но ведь известно, что и Румянцеву, и Суворову и другим приходилось быть и под таким дождем и в такой слякоти... На Альпах тоже ведь было холодно и, наверно даже куда тяжелее, а все пройдено и пройдено со славой. Вот эти проклятые немцы – им хорошо! Как их поддерживает артиллерия – в обиду не дает никак. К ним не подойти.

Сколько наложили они из нашего 1-го батальона, – страшно подумать... Почему же они тогда сидят? Вот это, действительно, непонятно. Будь мы в таком положении, как они, мы бы их загнали за границу в один прием... А ведь и они выплескивают воду так же, как и мы, – я сам вчера видел...

И прав Великий Суворов, учивший солдат, говоря: „Если нам тяжело, то и неприятелю не легче“...»

Этот афоризм подействовал на подпоручика успокаивающе и он даже улыбнулся.

Прошло еще два часа. Навязчивые мысли стали возвращаться еще более дерзкими, еще более настойчивыми. На нервы действовали, почему-то особенно, намокшие колени брюк. Шинель уже давно намокла и набухла так сильно, что стесняла дыхание... Хотелось встать и бежать... бежать обсушиться, хотелось заснуть... хотелось покоя...

«Хотя бы ранило меня, вот было бы счастье: лазарет, тепло, чистое белье, вкусная пища, почет... и жизнь со всеми ее прелестями...»

И тут же приходило в голову само собой: «Какой же я подлец». Что было бы, если все думали так и старались уйти? Кто бы воевал?.. Кто обязан подавать пример? – Мы, кадровые офицеры... это наша профессия... Государство нас даром учило... нам платило жалованье... мы приняли присягу... Наконец, я служу в полку, в котором предки мои совершали легендарные подвиги, не считаясь ни с погодой, ни с временем, ни с численностью врага... они были герои духа и долга... Нет, – лучше не думать».

Часы тянулись мучительно медленно. До рассвета оставалось два часа.

Сидеть стало невыносимо. Хотелось встать, но ноги затекли и ныли: «Слава Богу, кажется ревматизм... это предлог... я больше не могу... пойду доложу ротному, что заболел...»

И вдруг пот выступил у него на лбу...

«Ревматизм?! Болеть в такое время?.. Вы опять оставили свое место? – скажет ротный командир, а, может быть, добавит: – Вы позорите полк, уходите, – такие офицеры нам не нужны...» Где же выход?

– Ваше благородие, хотите сахару с хлебом? – прозвучал бас Ковтуна. – Вы, сказывают, ничего не ели. Тут у меня завалилось яичко, – сказал он, просовывая все в дыру.

– Спасибо, дорогой, мне не хочется, – ответил подпоручик, мягко отстраняя руку.

– Ваше благородие, вы ешьте, все же легче на душе будет. Я положу все сюда, – сказал он, укладывая что-то под ставню... и опять наступила тишина.

«Нет! Довольно! Прочь все мысли!

Нужно терпеть, нужно взять себя в руки. Почему Ковтун ни на что не жаловался, почему он всегда такой ровный и вечно бодрый?.. Потому, что он военный, а я нет.

Боже! Укрепи мою волю, дай мне сил перенести испытание! Спаси меня от позора и бесчестия!..» – С этими словами, вырвавшейся молитвы подпоручик встретил рассвет.

– Ваше благородие, немцы!!! Глядите! Глядите!.. – Из немецких окопов вылезали фигуры в черных шинелях и быстро выстраивались.

– Ну, ребята, приготовсь! – скомандовал мгновенно овладевший собой подпоручик, и глаза его засветились непоколебимой решимостью.

– Ваше благородие, гляди, какая масса прет! – воскликнул Сазонов.

– Постоянный!.. Часто – начинай!!! – скомандовал подпоручик.

Порывисто шли немцы. Артиллерия наша почему-то не стреляла. Пулемета при роте не было, и приходилось рассчитывать только на свои собственные силы.

Лихорадочно работали затворы. Сотнями вылетали стрелянные гильзы... а немцы шли твердо и ровно... даже не видно было, несли ли они потери. Их было так много, что казалось, что рота будет стерта с лица земли.

Рота развила максимальный огонь. Затрещало и справа и слева, забухала артиллерия и все слилось в сплошной гул.

Вдруг немцы бросились в атаку...

– Ребята, не робей! – донесся могучий голос Ковтуна.

– Не робей, ребята! – громко прокричал подпоручик, с мрачной решимостью извлекая пашку.

Тут только он заметил, как рухнули сразу четыре впереди бежавших немца.

– Наша берет! – воскликнул он.

– Наша, наша берет!.. – прокатилось по цепи. Один за другим падали немцы. Ряды их разорвались... Кто бежал назад, кто беспомощно лежал в грязи...

Атака была отбита...

«Если нам тяжело, то и неприятелю не легче»... – еще раз вспомнились слова великого Суворова и подпоручик гордо стоял по щиколотку в воде, мокрый и голодный, но упоенный всепоглощающей победой...

А через час по цепи радостно пролетело:

– Вечером придет смена!

«МОЛЕКУЛЯРНАЯ» РАБОТА

Лучшие идеи и распоряжения обращаются в ничто, если в армии отсутствует «молекулярный» героизм...

Ген. Н. Н. Головин

На опушке большого мрачного леса кипела лихорадочная работа. Тысячи лопат, как когти громадного чудовища, врывались в землю все глубже и глубже, впиваясь в корни недоумевающих сосен; и начинало казаться, – нет уже силы, которая могла бы оторвать это чудовище, зацепившееся за опушку, иначе, как не вывернув весь лес...

Это закреплял за собой только что взятую у немцев позицию славный Z-ский полк.

Если на опушке леса кипела жизнь, или, вернее, шла борьба за ее сохранение, то в глущине его царили смерть и страдания.

Здесь тоже кипела работа: санитары с фонарями и носилками, усиленные частями резерва, отыскивали и выносили раненых и складывали рядами убитых. Количество первых с каждой минутой все уменьшалось, зато количество вторых все возрастало.

Убитые лежали длинными шеренгами, ожидая, когда будет готова для них братская могила, в этом неожиданном для них месте последнего упокоения... А из леса, со всех сторон, их все несут и несут горбатые силуэты солдат, сгибающиеся под тяжестью несомых ими тел, у которых так жалко и беспомощно висят безжизненные руки...

Но не будем задерживаться в этом печальном месте... Здесь слышны стоны раненых... Здесь слышны циничные разговоры санитаров, спорящих о сапогах и шинелях у не остывших еще тел... Здесь снимают с убитых кошельки, кольца, часы и разные ценные вещи. Здесь тяжело...

Подойдем к опушке и посмотрим, что делается там с людьми, вышедшими живыми из этого кошмарного боя и ждущими нового, к которому они так лихорадочно готовятся.

На опушке светло, как днем. Луна полным своим и равнодушным ко всему ликом смотрит с высоты безоблачного прозрачного неба на редкую картину...

– Пройдем туда... там все-таки светлее... и дышится как-то легче...

Сегодняшняя победа Z-цев была не из тех, сюжеты которых, обыкновенно, вдохновляют батальных живописцев: в ней не было красок и захватывающих моментов борьбы – за знамя, за оружие... Не видно и трубача, стоящего рядом со знаменщиком, водрузившим победное знамя, на взятом неприятельском укреплении, видимом со всех концов поля битвы. У Z-цев не было даже того ощущения, которое бывает, обыкновенно, у победителей – днем, когда им удалось уже пройти и переступить через какую-то невидимую черту поля, после чего ружья противника перестают стрелять, или стреляют вразброд, не нанося поражений... Когда руки пехоты поднимаются невидимыми магнитами вверх... и отливает кровь от лиц... Когда на батареях подаются передки... и когда безлюдное поле, только что стонавшее и содрогавшееся от гула разрывов и стрельбы – вдруг затихает и покрывается бегущими людьми.

Они не испытали сегодня того захватывающего чувства, которое является следствием перечисленных слагаемых, и называется торжеством победителя, они не пережили сегодня этого сладкого, окрыляющего чувства... Этого всего сегодня не было.

Было что-то другое... Не такое яркое и захватывающее, не такое осязательное, но не менее значительное, а именно: ошеломленный противник, торжествовавший уже свою победу, как-то рассеялся по лесу, и, если бы не лежавшие повсюду его тела и снаряжение, можно было думать, что он испарился...

«Девятый вал» не разрушил русской плотины... В ближайшем тыловом городе, у самого лучшего его здания, солдаты штаба корпуса торопливо снимали с грузовиков и легковых авто-

мобилей ящики, сундуки и вещи и водворяли их на прежние места... пришедшие в себя чины штаба приступали к обычной работе... корпусный командир и начальник его штаба вновь получили возможность склониться над картой, и на том месте, где значился «Мрачный лес», в котором закреплялись Z-цы, – водрузить соответствующий флажок... интенданты вовремя задержали солдат, лезших с бидонами керосина на горы мешков с сахаром, мукой и разным казенным имуществом, осужденным на гибель... по проводам неслись телеграммы... и на утро обыватель, разворачивая свежий номер газеты, с разочарованием читал сообщение штаба Верховного главнокомандующего (всего лишь), гласящее:

«Противник, обрушившийся большими силами на наши позиции у „Мрачного леса“, имел временный успех. Подошедшими резервами положение восстановлено. На прочих фронтах без перемен».

И только много лет спустя суровый и беспристрастный историк, окруженный папками с документами и книгами на нескольких языках... мог записать о деле Z-цев в лежащий перед ним лист белой бумаги – «золотые» слова: «...Прорыв частей нашей *** дивизии у „Мрачного леса“ поставил части N-го корпуса в тяжелое положение, грозившее неисчислимыми последствиями левому флангу такой-то армии. Вызванный из резерва Z-ий пехотный полк стремительной атакой смял противника и спас положение»...

* * *

Вот и спасители положения.

Подпрапорщик фельдфебель Шапка, озабочен. Большие потери. Обстановка не понятна, и возможность контратаки противника не исключена. Ему поручен левофланговый участок его роты. Он медленно идет вдоль окапывающейся цепи, слева направо, подмечая опытным взглядом решительно все... дает указания, наводит порядок, и на ходу творит суд и расправу:

– Это ты что же, Пинчук? Где это ты себе позицию строишь? – остановился он перед ямой, в которой рылся какой-то солдат, ушедший по пояс в землю.

– Ты бы, вон еще, пошел бы в лес; там бы тебе еще удобнее было, никто бы тебя и не нашел, – иронизировал Шапка.

– Это кто это тебя учил, «турка», так окопы, в затылок друг дружке строить? Куда это ты стрелять собрался?.. Самойленке в... что ли? Я тебя спрашиваю, али нет? Чего ты стоишь, как идол каменный? Вылазь-ка, брат!.. Чемойдан немецкий, он тебя везде сыщет; не прячься друг, за чужие спины... Подь на место... – сказал он почти что нежно, умиротворяюще и «родительский» кулак тяжело, но без злобы, опустил на шею Пинчука.

Ухищрения Пинчука лопнули, как мыльный пузырь. Он принужден был с удвоенной энергией врываться в землю рядом с Самойленко, оказавшись на открытом месте, где частенько пролетали пули, с оглушительным треском впивавшиеся в близ стоящие сосны.

– Ты, брат, рано спать завалился, – остановился Шапка у новой ямки, на дне которой прикурнула серая фигура.

– Ну, ты! соня! – спокойно и деловито говорил Шапка, балансируя на левой ноге и расталкивая носком правой спящего, и видя, что тот не шевелится, спускается к нему сам...

– Господи, Твоя воля! – произносит он через несколько секунд, устремляя глаза к небу, снимая фуражку и творя крестное знамение...

И луна мягко освещает своими холодными лучами его обстриженную бобриком голову, приятное, широкое русское лицо с расчесанной надвое бородой и отражается двумя крохотными блестящими точками в его добрых карих глазах.

Серая фигура, младший унтер-офицер Колпаков был мертв. Пуля угодила ему в глаз и минуту спустя, когда Колпакова отнесли в глубь леса, на дне его ямки сиротливо осталась лежать его фуражка у большого темного сгустка крови...

* * *

– Подпрапорщик, Шапка! Пожалуйста, осмотрите у вас, на левом фланге, винтовки. Я сейчас перепробовал тут пять-шесть винтовок – ни одна не стреляет... все позабывали песком, «черти». Пусть протрут затворы, – произнес командир роты поручик Буров, обходивший роту так же, как подпрапорщик Шапка, только справа налево.

– Ты прости меня, Коля, что я тебя задержал, теперь я в полном твоём распоряжении, – обратился Буров к стоявшему подле него командиру следующей по номеру роты его батальона, ожидавшему с нетерпением конца разговора Бурова с подпрапорщиком Шапкой.

– Что скажешь, Коля? – говорил Буров, беря под руку поручика Зверева и уводя его вглубь леса.

– Вот что, – начал Зверев. – Я пришел к тебе посоветоваться, как поступить в одном очень щекотливом и неприятном случае. Я, как тебе известно, стою в батальонном резерве, как раз за промежутком между твоей и Мишиной ротой. Полчаса тому назад приходит ко мне подпрапорщик Кисель и, неловко заминаясь, отзывает меня в сторону. Оказывается, что же! Наш Миша «пончик» – сдал, нервы его расшалились, и он сидит у себя в роте, дрожит, как осиновый лист, и потерял совсем голову.

– Вот чертов «пончик», – невольно вырвалось у Бурова. – Это же скандал! Позор! А кроме того, это малодушие может очень печально кончиться и для него, а главное, для полка.

– Я, брат, того же мнения; потому-то я и пришел к тебе, – упавшим голосом произнес Зверев. – Главное, если будет контратака, за его роту нельзя будет поручиться. Наши солдаты без офицера – это нуль, толпа, – величина отрицательная.

– Да, без няньки они обойтись не могут, – согласился Буров. – Нужно как-то сделать, чтобы и Мише не повредить, ведь он славный, «пончик», и выйти из глупого и опасного положения.

– Я уже думал, – продолжал Зверев, – сменить его роту своей, но сам понимаешь, без Генриха Антоновича, нашего батальонера, этого сделать нельзя, а объяснять ему, в чем дело, никак не хочется.

– Послушай, – подумав, предложил Буров. – Пойди ты к нему и посиди с ним до утра, может быть к утру он «отойдет», да и утром будет не так страшно, в случае чего. Страшно сейчас, пока мы находимся под свежим впечатлением боя... Неопределенность положения, безусловно, гнетет... я, например, чувствую себя в положении путешественника, который едет куда-то, в сильно притягивающее его место, но ему предстоит еще какие-то пересадки. Он высадился на станции и ждет на сложенных на перроне вещах поезда, который вот-вот должен подойти, а когда, подойдет, – точно неизвестно. Этим сильно притягивающим каждого из нас местом является потребность отдыха взбудораженной нервной системе. Мы с тобой справляемся с собой и своими нервами удовлетворительно, или даже хорошо, а Мише это не удастся. Нужно ему помочь. Я уверен, что он сумеет взять себя в руки. Он прекрасный офицер по своим убеждениям и взглядам.

– Да, ты, кажется, прав; единственно правильный выход, – это пойти к нему и посидеть с ним до утра. Если же наш Генрих будет обходить роты, а это будет наверняка, всегда можно будет сказать, что я, мол, пришел в N-ю роту ознакомиться с обстановкой, – так развивал план действий Зверев.

– Ну, валяй, брат, так, а я за твоей ротой присмотрю отсюда, – говорил Буров, пожимая протянутую руку.

– Вот так «пончик»! «Чертова подвода»! – сказали почти одновременно оба друга, поворачиваясь восвояси.

* * *

– Здорово, «пончик»! – весело, как ни в чем ни бывало, говорил Зверев, несколько минут спустя прыгая в глубокую и довольно просторную яму, вырытую для Миши его ротой и накрытую жердями в виде примитивного козырька.

– Как у тебя дела? – всматриваясь в лицо Миши, спрашивал Зверев.

– Тише, пожалуйста!.. здесь немцы в тридцати шагах, – шепотом, умоляюще произнес Миша.

– Ну уж и в тридцати, – недоверчиво возразил Зверев. – Да что это ты хнычешь, Миша? Нельзя так распускаться... Подумай только, как ты скандалишь себя, и «все на свете». Возьми себя в руки!

– Нет, – шептали Мишины губы; я больше выдержать этого не могу – я застрелюсь. Я не могу больше видеть этих страшных мертвецов, эту кровь и стрельбу. Я сойду с ума, – в отчаянии говорил Миша, причем губы его вздрагивали, а зубы выбивали барабанную дробь.

– Ты с ума сошел, «ешак», – своеобразно урезонивал его Зверев.

– Стреляться! Какой смысл? Раз ты решил умереть, так это все, что требуется. Это максимум того, что ты можешь дать... – уже улыбаясь и смотря прямо в глаза Мише, говорил поручик Зверев. – Ты думаешь, мне легко свыкаться с мыслью, что и я каждую минуту могу отправиться к праотцам? Ведь и я страстно хочу жить, но каждый раз перед боем, или во время обстрела, я сам себя как бы убеждаю: «ты должен умереть», «ты умер» – внушаю я себе. И когда мне это удастся, я перестаю думать о том, что страшит, из чего складывается чувство страха... Не убил этот снаряд, убьет следующий, примиряясь с своей судьбой, уже думаю я, а в промежутках между очередями снарядов, между более опасными положениями и менее опасными моментами, – исполняю свой долг. Вот и сейчас, я бежал к тебе по сравнительно открытому месту... – пули свистят часто... никто меня не заставляет идти сюда, а я иду... Иначе кто же будет управлять пассивной массой наших солдат? Ведь все только и держится, – на нас – офицерах. Какой же пример подаешь ты своим людям?

Миша рыдал, склонив голову на плечо Зверева.

Коля брезгливо морщился, но не находил в себе сил оттолкнуть милого «пончика» – весельчака и балагура, с которым так весело и приятно жить в будничной полковой обстановке.

– Не покидай меня, – шептали Мишины губы...

– Ну, хорошо, успокойся только, – смягчая тон, говорил Зверев. – Я посижу здесь с тобой до утра...

* * *

– Подпрапорщик Шапка! Пошлите людей за обедом; тут пришли проводники... – глубокой ночью отдавал распоряжения поручик Буров, не знавший усталости, не чувствовавший никаких потребностей, видевший только врастающих в землю своих солдат, зорко всматривавшийся в серебриющийся сумрак яркой лунной ночи, прислушивавшийся ко всякому подозрительному шороху – «оттуда»... и отдававший все остальные чувства инциденту в N-й роте и ее командиру – презируемому и любимому Мише «пончику»...

Такой жизнью был полон «Мрачный лес» в эту холодную октябрьскую ночь.

В нем, как в громадном котле, бурлили взбаламученные людские страсти, переплетаясь в причудливые узоры.

ЖЕЛТЫЕ ДЬЯВОЛЫ

4

Вот уже четвертый день, как N-я пехотная дивизия, окопавшаяся на подступах к Варшаве, ведет непрерывный, ожесточенный бой, отбивая немецкие атаки.

⁴ Во время первых боев Кавказской гренадерской дивизии, носившей желтые погоны, на убитых немецких солдатах находили не отправленные ими на родину письма, в которых кавказские гренадеры именовались желтыми дьяволами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.